

Уточнение ряда норм позволит усовершенствовать данный порядок и обеспечить стабильность государства в случае появления оснований для замещения должности Президента Республики Беларусь.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на реп. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Роль ООН в формировании правового обеспечения международной информационной безопасности

*Кебец В. В., Орлова А. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. доц. Бакун А. С., канд. юр. наук, доц.*

Вопросы обеспечения международной информационной безопасности на протяжении последних нескольких лет набирают свою актуальность. Связано это в первую очередь с возрастающим влиянием информационных технологий на социально-экономическую и политическую сферы общества, а также с использованием государственными и негосударственными акторами информационных ресурсов и технологий в качестве инструментов достижения своих целей [1].

Впервые проблемы обеспечения международной информационной безопасности были официально признаны международным сообществом в 1999 г., когда была принята Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 53/70 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности», подтверждающая необходимость разработки международных принципов в сфере информационной безопасности. После этого было образовано три Группы правительственных экспертов (далее – ГПЭ), занимавшихся анализом существующих и потенциальных информационных угроз. Также в дальнейшем было одобрено несколько резолюций и документов ООН, что и сформировало на сегодняшний день ядро регулирования вопросов международной информационной безопасности в рамках ООН.

На 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2001 г. было принято решение о создании ГПЭ, которая должна была быть сформирована на основе справедливого географического распределения правительственных экспертов для рассмотрения возникших вызовов и угроз в сфере информационной безопасности. Результаты деятельности ГПЭ выражаются в итоговых докладах, которые являются важными политико-правовыми документами, закладывающими общие рамки для взаимодействия государств при нейтрализации

возникших и потенциальных угроз в информационной сфере [2]. На данный момент, деятельность ГПЭ является единственным механизмом ООН, способным консолидировать усилия мирового сообщества в борьбе со стремительно нарастающими вызовами и угрозами в информационной сфере.

Важной попыткой централизации международно-правовых норм в области обеспечения информационной безопасности стало принятие Резолюции А/К.Е8/73/27 5 декабря 2018 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». В данном документе подчеркивается необходимость выполнения государствами своих международных обязательств и в сфере использования информационно-коммуникационных технологий. В целом, резолюция вполне коррелирует с рядом принципов международного права, в частности, добросовестного исполнения обязательств, невмешательства во внутренние дела, сотрудничества. Однако возникли существенные проблемы касательно сопоставимости резолюции с соблюдением территориального суверенитета. Происхождение кибератак с территории конкретного государства еще не указывает на связь с деятельностью государства, являющимся субъектом международного права. Государства принимают просьбы пресечь вредоносную деятельность, исходящую с их территории, но при этом имеют право не допускать внешнее вмешательство в свое информационное пространство.

Последующее принятие Резолюции А/КБ8/73/264 22 декабря 2018 г. «Поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности» не провозглашала никаких принципов и норм по данному вопросу. В ней подчеркивалась только необходимость продолжения практики работы Групп правительственных экспертов и следование положениям итоговых докладов, представленных группами. Таким образом, спорные положения, сформулированные в прошлой резолюции, не получили своей трактовки и развития в данном документе, что фактически заморозило нормотворчество в данной сфере.

В конечном итоге, несмотря на попытки ООН консолидировать усилия мирового сообщества в борьбе с вызовами и угрозами в информационной сфере в настоящее время можно констатировать о неоднозначной роли ООН в процессе формирования правового обеспечения международной информационной безопасности. Связано это в первую очередь со специфичностью рассматриваемой сферы, являющейся достаточно новой в системе безопасности, а также со сложностью принятия отчетливых и обязательных решений в рамках ООН, которые могли бы закрепить основы международно-правового регулирования обеспечения безопасности в информационной сфере. В связи с этим на данный момент регулирование международной информационной безопасности будет опираться на национальные законодательства, которые потенциально могут основываться на рекомендациях ООН.

Литература

1. Сидорова, Т. Ю. Международная информационная безопасность: правовые аспекты и деятельность ООН / Т. Ю. Сидорова // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 3. – С. 103–108.
2. Бойко, С. Группа правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: взгляд из прошлого в будущее / С. Бойко // Международная жизнь. – 2016. – №8. – С. 41–46.

Коллизии регулирования однополых браков в международном частном праве

*Короленко Д. С., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Советник судьи Суда ЕАЭС Бабкина Е. В.,
канд. юр. наук, доц.*

Проводимые исследования показывают, что в последние годы возросло количество людей, идентифицирующих себя в качестве ЛГБТК+. Это следует из того, что поколение Z (люди, рожденные в период с 1997-го по 2012 г.) легче, чем ранее, самоопределяется в рамках данного спектра [1; 2]. Соответственно, существует вероятность, что в ближайшее время количество лиц, состоящих в отношениях, в которых оба партнера принадлежат к одному полу, и желающих официально зарегистрировать свои отношения посредством вступления в брак может значительно увеличиться, что делает актуальным вопрос правового закрепления механизмов, позволяющих это сделать, поскольку их отсутствие может усилить интерес к «брачному туризму».

Следствием брачного туризма по причине коллизий между законодательством государства гражданства одного или обоих супругов, не позволяющего заключение брака между однополыми партнерами, и государства, которое его разрешает, является «хромающий брак», то есть союз, который признается действительным в одном государстве, но не признается таковым в государстве происхождения.

В связи с этим следует рассмотреть вопрос относительно статуса однополых браков по возвращении лиц, вступивших в подобного рода союз, который ставится в европейской доктрине: «Что происходит с существенной действительностью гражданского статуса однополых пар, когда они возвращаются в страну своего происхождения?» [3].

Статья 3 Гагской конвенции о заключении и признании браков от 14 марта 1978 г. (далее – Гагская конвенция о браке) предусматривает следующие основания действительности браков: